

- Watkins 2001 — American Heritage Dictionary of Indo-European Roots / Revised ed. C. Watkins. Boston, 2001.
- Weitenberg 1984 — J. J. S. Weitenberg. Die hethitische U-Stämme. PhD dissertation. Amsterdam, 1984.
- Whitney 1888/1962 — Whitney Sanskrit Grammar including both, Classical Language and the Older Dialects, of Veda and Brahmana. Delhi; Varanasi; Patna, 1888/1962 (a reprint of the 2nd 1888 ed.).
- Whittaker 1998 — G. Whittaker. Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia. Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft, Heft 1. Göttingen, 1998.
- Windekens 1976 — A. J. Windekens van. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976, vol. 1.
- Zinkevičius 1966 — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966.

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

‘КРЕСЛО СОЛНЦА’ КАК НАЗВАНИЕ ПРУССКОГО СЕЛА
И СТИХОТВОРЕНИЯ Я. РАЙНИСА
(В СВЯЗИ С БАЛТИЙСКИМ ФОЛЬКЛОРОМ,
ФИТО- И ОРНИТОКОНОМ)

...ich ziehe durch die Vergangenheit wie ein
Ährenleser über die Stoppeläcker, wenn der
Herr des Lands geerntet hat; da liest man jeden
Strohalm auf ¹.

F. Hölderlin. Hyperion oder der Eremit in
Griechenland. — Leipzig, s. a., S. 11.

Es apjāju Rīgas pili,
Nevienu manis neredzēja;
Rīgas māte tā redzēja,
Tā ievēdā istabā,
Tā ievēdā istabā,
Tā pacela zelta krēslu ².

Latvju dainas. IV. — Pēterburgā, 1910,
№ 31749.

Дискуссия о балтийском и славянском названии кресла, в свое время представленном Р. Траутманом в качестве общего балто-славянского образования **krēsla-* [Trautmann, 141], продолжается уже свыше столетия. И тем не менее до сих пор очень многое в этой проблеме остается неясным и спорным.

В этом смысле весьма показательны свидетельства двух почти синхронных словарных статей о прус. *creslan* и праслав. **kreslo*/**krēslo*:

1) «Напрашивается предположение об известной самостоятельности балт. **kres-*, **kras-* в значении ‘сесть’. Сложность усугубля-

¹ ‘...я иду сквозь прошлое, как сборщик колосьев через жнивье, когда хозяин земли собрал урожай; там поднимается каждая соломинка’ (Ф. Гельдерлин. «Гиперион, или отшельник в Греции»).

² ‘Я верхом объехал замок Риги,

Никто меня не видел;
Мать Риги, она видела,
Она ввела в комнату,
Она ввела в комнату,
Она поставила золотое кресло’

(«Латышские даины», IV, № 31749).

ется отсутствием надежных индоевропейских параллелей... четкости балто-славянских соответствий, обозначающих кресло, противостоит неясная ситуация в периферийных примерах того же корня» [Топоров, 183];

2) «Слово **kreslo*/**krėslo* в целом представляет нелегкий случай со своеобразной географией. Южнославянские соответствия... практически отсутствуют... Красноречиво и отсутствие серболужицких соответствий на фоне имеющихся других западнославянских (чешской, словацкой и польской) форм, что все вместе отражает моменты древней диалектологии» [ЭССЯ 12, 129].

Предлагаемое разыскание, не претендуя на общее решение вопроса о прус. *creslan* Э.217 'Barkenstul', лит. *krėslas* и лтш. *krēsls*, тем не менее, по крайней мере, хотя бы отчасти может способствовать этому. Речь пойдет об истории и географии выражения значения 'кресло солнца' (далее 'КС') в балтийских языках.

Поскольку в последних общим является обозначение не только кресла (см. выше), но и солнца (прус. *saule* Э.7, лит. *saulė*, лтш. *saule*), то в соответствии с обоими вариантами воплощения семантической модели 'КС' — словосложением и словосочетанием — первое из них сокращенно будем представлять как SK, второе — как S/K.

I. Прусский ойконим Sawliskresil

1. В 1922 г. Г. Геруллис ввел в научный обиход словарную статью: «1423 (г.) Sawliskresil (Орденский фолиант № 162, л. 12 об., ныне Sonnenstuhl, округ Heiligenbeil: род. ед. прус. *saule* 'солнце' + прус. *creslan* 'Barkenstul'») [Gerullis, 153]. При этом в теоретической части своего этапного труда автор коснулся структуры формы SK как примера «с прозрачной этимологией», который иллюстрирует сравнительно редко встречающийся в прусском топонимиконе тип «падежной композиты» [Ibid., 243].

В том же году, откликаясь на выход книги Г. Геруллиса, К. Буга впервые предложил мифологическую интерпретацию SK: «Местное название Sawliskresil... показывает, что и прусское божество солнца (здесь и ниже разрядка в тексте. — А. Н.), свершив дневной путь по небу, вечером садилось (*sėsta* — форма пассива. — А. Н.) (дусетцы еще и сегодня продолжают говорить солнце *sėda* 'садится'!)³ отдыхать в кресле (*kreslan*)» [Būga II, 384].

³ Здесь в оригинале употреблена литературная форма *leidžiasi*, т. е. буквально 'опускается'.

Впоследствии в перечне «особо ценных» прусских глосс В. Мажиулис привел и «Sawliskresil — Sonnenstuhl ('saulės krėslas')» [Mažiulis 1966, 29–30], чтобы со временем обратиться к ее интерпретации.

Так, развивая тезис Буги, исследователь выступил со специальной статьей, в которой приходит к выводу, что «бывшим местным названием прус. (вармийским) **Saulėskrėslan* 'Кресло солнца' (= 'Место сидения солнца') сначала был холм (или иное место), на который, если смотреть с востока, „садились“ („саживалось“) солнце (оно „саживалось“, разумеется, не всегда на тот холм!), вероятнее всего, во время большого праздника Солнца (как божества) — того праздника, который по-литовски называется *Rasės šventė* или *Joninės*. Иначе говоря, исходя из прусского (вармийского) местного названия, можно предположить, что праздник самой короткой ночи года (и самого долгого дня) у пруссов (вармийцев) был особенно почитаем и его называли, вероятно, „праздником Солнца« (*Saulės šventė*) (или подобно)» [Mažiulis 1995, 60].

За исключением гипотезы о названии прусского праздника, текст цитируемой статьи вошел и в «Этимологический словарь прусского языка», принадлежащий перу того же автора [Mažiulis 4, 77–78].

Вместе с тем та конкретность, с которой в упомянутых выше публикациях реконструируется фрагмент прусской духовной культуры, требует дополнительной экспертизы формы *Sawliskresil* как памятника прусского языка. В самом ли деле прусское свидетельство является лингвистически уникальным? Ведь нет сомнений в том, что любой выбор по принципу «один из одного» лишен теоретической перспективы. И, напротив, попытка вывести тот или иной языковой факт из его исторической изоляции и восстановление хотя бы минимального контекста, в котором данный пример функционирует, открывает для нас возможность более объективно оценить реликт исчезнувшего языка.

2. Исследователи прусского языка с интересом встретили открытый Геруллисом ойконим *Sawliskresil* (1423 г.) и приняли предложенное ученым этимологическое истолкование формы этого названия, представленное в краткой словарной статье.

Однако почти до последнего времени никто из балтистов не обратил должного внимания на тот комментарий к SK, который был предложен тем же автором уже не в лексикографической, а в лексикологической части его труда:

«Sawliskresil, теперь Sonnenstuhl... Это, кажется, должно быть переводом немецкого „Sonnenstuhl“ и встречается только один раз в

Орденском фолианте № 162. Откуда происходит немецкое название и с какого времени, я не мог установить» [Gerullis, 234].

А между тем за все те годы, которые прошли после опубликования цитируемого источника, в контексте все расширяющегося ряда свидетельств употребления нем. *Sonnenstuhl* единичность прус. *Sawliskresil* стала еще более уникальной.

Так, искомый ойконим нашел свое место в «Этимологическом словаре немецких фамилий» Й. К. Брехенмахера, где была дана особая разработка: «*Sonnenstuhl* от названия местности и населенного пункта (= возвышенное, освещенное солнцем место). Дворянское поместье в Восточной Пруссии — 1512 г. Blasius Sonnensthuel из Мариенбурга (Западная Пруссия)... 1519 г. Theoderich Sunenstul из Арнсдорфа (Бранденбург)...» [Brehenmacher 2, 625]. В обоих исторических свидетельствах автор словаря использовал списки студентов университета г. Франкфурта-на-Одере. Впрочем, распространенность фамилии *Sonnensthul* в 20–30-е гг. XX в. не только в Эльбинге и Кенигсберге, но и в целом ряде других городов Германии в границах того времени [Ibid.], вызывает вопрос: а все ли эти примеры восходят именно к восточнопрусск. *Sonnenstuhl*.

Еще более существенным дополнением к сообщенному Г. Геруллсом прус. *Sawliskresil* стала статья *Świętochowo* (так в 1946 г. в отошедшей к Польше части территории бывшей Восточной Пруссии было переименовано нем. *Sonnenstuhl*) — в дальнейшем местное название в воеводстве Эльбленг, гмина Бранево — в обстоятельном словаре балтийской топонимии этого региона [Przybytek, 297]. Особенно ценным здесь оказалось то, что в серии публикаций «*Monumenta Historiae Warmiensis*» (t. 1–9, 1860–1935) польская исследовательница нашла хронологически опережающие прусское немецкие наименования того же населенного пункта:

1369 г. — Heyne de Sunenstul,

1374 г. — Sonnenstul,

1394 г. — ville Sunnenstul... Sonnenstül [Ibid.].

Будучи на 3–5 десятилетий более ранним, чем прус. SK, конкурирующее с ним немецкое соответствие говорит само за себя. И при всей осторожности в оценке новых данных все же Р. Пшибытек 1993 г. отчасти солидаризуется с Геруллсом 1922 г. и не исключает возможности перехода от немецкого 'KC' к прусскому [Ibid.].

Более того, безусловное отождествление не только первых, но и вторых компонентов сложений — прус. (*Sawlis*)*kresil* = нем. (*Sonnen*)*stuhl*, видимо, должно внести определенное уточнение и в понимание той системы наименований предметов мебели для сидения, которая была представлена в Эльбингском словаре: ср.

216 *Stül Clumpis*, 217 *Barkenstul Creslan*. Во всяком случае открытым остается вопрос: если прусское название села действительно является переводом немецкого, то почему тогда выступает форма *Sawliskresil*, а не **Sawlisclumpis*? По всей вероятности прус. -*kresil* как дериват от *creslan* обозначало не только 'мягкий стул', 'стул с обивкой', как принято истолковывать нем. *Barkenstul* (см.: [Топоров 1984, 179–180]), но имело и другие значения, а то и стилистически могло отличаться от прус. *clumpis*.

Таким образом, прус. *Sawliskresil* 1423 г. с двух сторон оказывается в окружении нем. *Sonnenstuhl*: вторая пол. XIV в. (1369, 1374, 1394 гг.) — начало XVI в. (1512, 1519 гг.). И независимо от того, к какому окончательному заключению придет современная наука, обсуждаемую словарную статью Геруллса, как и его же комментарий к ней (1922 г.), теперь уже невозможно полноценно воспринимать без учета как можно более широкого лингвистического контекста в обоих направлениях — как германском, так и балтийском.

3.0. В литовских памятниках и диалектах, а также в современном литовском литературном языке слово *krėslas* как название вида мебели имеет следующие значения: 1) 'стул со спинкой, иногда и с боковыми опорами'; 2) 'стул без спинки; табурет'; 3) (обычно в диминутивной форме) 'низкий стульчик'; 4) 'скамья'; 5) 'почетный стул; трон' [LKŽ VI, 535–536].

Приведенный перечень семем с бесспорным преобладанием иллюстративных примеров именно к той, которая в цитируемой статье представлена первой [Ibid.], является основой для адекватного понимания как самой по себе формы *krėslas*, так и ее сочетаний с названием солнца (лит. *saulė*), выступающих уже во вторичных значениях.

Так мы выходим на продолжение разговора о прус. *Sawliskresil* уже на материалах языковых свидетельств, обнаруживаемых на территории Литвы.

3.1. На уровне местных географических названий прямое соответствие прусскому словосложению SK обнаружено в литовском словосочетании S/K, выступающем в роли наименования одного из небольших возвышений в Аукштайтии. Историк В. Вайткавичюс, изучающий «святые места» Литвы, не только собрал архивные данные о представляемом объекте, но в 1999 г. и посетил его. Приведем необходимую информацию, любезно предоставленную нам самим исследователем.

Saulės krėslas, холм (*kalva*) высотой 1–1,3 м и размерами 21,5 × 14,5 м у основания, а также с плоским верхом, располо-

женный в болотистой, поросшей кустами низменности к востоку от с. Раджюнай Тауенской сянюнии Укмергского р-на [Vaitkevičius 2000, s. p.].

Относительно названия, а еще больше — называемого — собраны весьма интересные и архивные, и полевые материалы. Так, в соответствии с первыми — еще в 1940–1941 гг. урочище *Saulės krėslas* было зарегистрировано как «городище» (*piliakalnis*), а к жанру легенд отнесено высказывание, что «там (т. е. на холме. — А. Н.) весь день солнце „сидит“ (= греет) как на кресле», тогда как вторые свидетельствуют, что еще в середине XX в. на упоминаемом возвышении, где, кстати, издавна стоит деревянный крест, на Троицын день жители села молились, разводили костер и пировали [Ibid.].

3.2. Помимо уже рассмотренного оронима S/K, среди названий, относимых к разряду мифологических и сакральных мест Литвы, известны по меньшей мере еще два, в которых в качестве отдельного слова или второй части композиты также употребляется лит. *krėslas* (-*krėslis*).

Dievo krėslas, гора (Вилкай, Тельшайская сянюния, Тельшайский р-н), вар. *Pono Dievo krėslas*, *Pono Dievo sostas*, *Katino kalnas* [Vaitkevičius 1998, 349]. Обозначенная оронимом возвышенность, господствующая над окружающей местностью, выделяется как на топографической карте, так и на фотоснимке, выполненном самим автором [Ibid., 348]. Следует обратить внимание на то, что здесь в качестве одного из вариантов употреблено название, где как ситуативный синоним к *krėslas* выступает термин возвышенного рельефа *kalnas* 'гора': ср. *Katino kalnas* по наименованию озера, соседствующего с этой горой [Ibid., 348, 349].

Karalkrėslis «место в лесу», горка (*kalnelis*) среди болот к юго-востоку от с. Эйняй, сянюния Вешвиле Юрбаркского р-на: урочище 'Королевское Кресло' дважды упомянуто в источниках и литературе 1935 и 1936 гг. [Ibid., 636–637].

3.1–2. Итак, документально определено «на местах», что, с одной стороны, основной предмет нашего внимания *Saulės krėslas* — это холм, а с другой — ближайшие к нему по структуре и составу названия *Dievo krėslas* — гора, а *Karalkrėslis* — горка. Следовательно, исходя из приведенных свидетельств, можно заключить, что лит. *krėslas* употребляется в топонимии Литвы для номинации объектов возвышенного рельефа. И при корректности такого заключения отмеченное оронимическое воплощение исследуемой модели S/K оказывается только частным случаем более широкого явления, когда исходный апеллатив 'кресло' по

своей номинационной роли приближается к географическому термину со значением 'возвышение'.

4.1. Поиск примеров воплощения семантической модели 'КС' в других сферах лексики литовского языка неожиданно оказался результативным при обращении к ботанической терминологии, где в целом ряде независимых друг от друга свидетельств выступает SK, однако чаще — S/K.

Так, например, в законченном в 1933 г. «Литовском ботаническом словаре» пижма обыкновенная, или дикая рябинка (*Tanacetum vulgare* L.), представлена следующими географически локализованными названиями: *saulakrėslis* (уезды Тельшай и Расейняй), *saulekrėslis*, *saulės krėslas*, *saulės krislai* (уезд Кретинга) [LBŽ, 341]. Все три центра уездов — Кретинга, Расейняй и Тельшай — находятся в Жемайтии.

Такую же ареальную ориентацию обнаруживают и те иллюстративные примеры ботанического 'КС', которые имеют при себе указание на населенный пункт в академическом «Словаре литовского языка»: 1) *saulės krėslas* 'пижма обыкновенная (*Tanacetum vulgare* L.)' — *Pavasari drėgnose vietose ant aukštų stiebėlių sužydi ružavi saulės krėslėliai* (дими́нутив; Тиркшляй, р-н Мажейкяй; [LKŽ XII, 194]), т. е. 'Весной во влажных местах на высоких стеблях расцветают розовые (букв.) креслица солнца'; 2) *saulės krėslūkai* 'первоцвет мучнистый' (*Primula farinosa* L.) (дими́нутив; Акмяне, райцентр [Ibid.]); 3) *saulės krislėlis* 'незабудка (*Myosotis* L.)' (дими́нутив; Ляцкава, р-н Мажейкяй [Ibid.]).

И вновь все фитонимы, сопровождаемые указанием на ту или иную местность, относятся исключительно к Жемайтии — Акмяне и Мажейкяй (дважды).

4.2. Следует обратить особое внимание на то, что в качестве синонима к S/K и SK выступает еще одно производное от лит. *krėslas* обозначение пижмы обыкновенной — *bitkrėslė*, *bitkrėslis* [LBŽ, 341; LKŽ I², 857–858], где первый компонент словосложения восходит к лит. *bitė* 'пчела'. Ср. аналогичное по своей структуре прусское название болота в Самбии под 1331 г. (два варианта записи) — *Bitpelki*, *Bitpelkis* [Gerullis, 21].

Более того, такие примеры употребления еще одного названия растения *Tanacetum vulgare* L., которые сопровождаются указанием на место их фиксации, подобно *saulakrėslis* и под. (см. выше), также относятся к Жемайтии: форма *bitkrėslis* в том же значении отмечена как на севере (Скуодас [LKŽ I², 858]), так и на северо-востоке (Дирвоненай и Пакштяляй Шяуляйского р-на [Vitkauskas, 47]) общего массива жемайтского диалекта. Ср. также тер-

мин *bitkrėslė* 'то же' в ботанических трудах Ю. Пабрежи (1771–1849) [LKŽ I², 857], вся жизнь и деятельность которого были связаны с Жемайтией.

4.1–2. В пределах жемайтских говоров литовского языка наблюдается сосуществование 'кресла солнца' и 'кресла пчелы' как двух терминологически тождественных обозначений одного и того же лекарственного и декоративного растения пижмы (*Tanacetum* L.). Поскольку оба фитонима объединяет общий компонент 'кресло', следовательно, можно говорить о том, что в рассмотренном фрагменте литовской ботанической терминологии имеет место оппозиция 'солнце' — 'пчела'.

1–4. Изучение литературы и источников, так или иначе связанных с прусским названием села *Sawliskresil*, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, интерпретация нем. *Sonnenstuhl* как 'возвышенное, освещенное солнцем место' [Brechenmacher 2, 625] должна быть отнесена также и к прусскому варианту названия того же самого населенного пункта — *Sawliskresil* (1423 г., ныне *Świętochowo*, гмина Бранево, воеводство Эльбленг, Польша).

Сказанное подтверждается существованием топонимической изоглоссы прус. *Sawliskresil* — лит. *Saulės krėslas*, холм в современной Аукштайтии (с. Раджюнай, сянюния Тауенай, р-н Укмерге, Литва).

Во-вторых, следует признать вполне убедительной гипотезу В. Мажюлиса о том, что прусской формой *Sawliskresil* «сначала назывался холм» («iš pradžią vadinosi kalva» [Mažiulis 1995, 60]) — это абсолютно совпадает с характеристикой аукштайтского оронима — «kalva» [Vaitkevičius 2000, s. p.]. Иными словами, прусский только предполагаемый «холм» своим названием оказывается объединенным не только с одноименным реально существующим холмом в Аукштайтии, но и с другими производными от *krėslas* наименованиями возвышений (гора и горка) в Жемайтии (см. выше).

В-третьих, дальнейшее «развертывание сюжета» с прус. *Sawliskresil* о том, дескать, именно на том холме — причем еще и в самый долгий день года — садилось солнце [Mažiulis 1995, Ibidem], является уже чисто умозрительным. Как минимум, прежде всего необходимо провести «рекогносцировку» местности, где расположено современное с. *Świętochowo*, или хотя бы изучить ее по топографической карте.

В-четвертых, аукштайтский ороним *Saulės krėslas*, подкрепленный аналогичными жемайтскими названиями возвыше-

ний (*Dievo krėslas*, *Kara krėslis*), во внешнем плане безусловно усиливает балтийский характер прус. *Sawliskresil*.

В-пятых, собственно балтийскую позицию прус. *Sawliskresil* укрепляет также и фитоним *saulės krėslas* (см. выше), локализуемый именно в Жемайтии, т. е. в том регионе Литвы, который обнаруживает многочисленные примеры связей с прусским языковым ареалом. Это представляется тем более убедительным ввиду того, что при безусловном противопоставлении прус. *Sawliskresil* — нем. *Sonnenstuhl* последней форме остается неизвестным соответствующий аналог среди названий растений типа **Sonnenstuhl*: ср. довольно внушительный перечень сложений с первым компонентом *Sonnen-* в указателе к фундаментальному словарю немецких фитонимов (см.: [Marzell, 526–527]).

Наконец, в-шестых, продолжающиеся исследования во внутреннем плане, т. е. в пределах прусской территории, делают прус. *Sawliskresil* еще более изолированным образованием: единственный прусский пример 1423 г. становится еще более уникальным при все умножающемся числе свидетельств об употреблении эквивалентного нем. *Sonnenstuhl*, причем это наблюдается по направлению не только к нашему времени, но и в прошлое. Следовательно, двойственная, балто-германская интерпретация происхождения прус. *Sawliskresil* также не снимается с обсуждения.

II. Стихотворение Я. Райниса «*Saules krēslis*»

1.0. В самом начале первой осени своей эмиграции в Швейцарии (Кастаньола, 6 сентября 1906 г.) Я. Райнис пишет стихотворение «*Saules krēslis*», которое для краткости ниже будем называть «S/K»:

Trīs stari no rietošas saules nāk:
Viens zelts, viens zaļš, viens sarkans.
Tas zaļais ir varš,
Tas sarkanais karš,
Bet vidū saules krēslis ir celts, —
Tas skaidris zelts;

Bez stara no lejas augšā nāk
Melna un vienkopus nakts,
— Un sarkans un zaļš, un zelts,
Un krēslis, kas saulei bij celts,
Iegrimst iekš nakts.

[Rainis II, 478, 315]

Прежде чем предлагать перевод приведенных строк, необходимо сначала отметить некоторые особенности как заглавия, так и дальнейшего текста оригинала.

Так, употребляемая Райнисом форма *krēslis* (вместо литературной *krēsls*) встречается во многих говорах латышского языка, например, в Курземе (Стенде) — *krēslis* [EH I, 651], в Видземе (Эргеме) — *krēslis* как нерегулярный параллельный вариант наряду с *krēsls* [KR II, 119], в Латгалии (Калупе) — *krāslis* [Reķena I, 519], где это объясняется как вставка гласного в «труднопроизносимое сочетание согласных» [Ibid.].

Что же касается значения данной лексемы, то в отличие от литовского и прусского словарей, в которых имеются специальные названия для стула (ср. лит. *kėdė*, прус. *clumpis* Э.216 'Stūl'), лтш. *krēsls* (*krēslis*) обозначает прежде всего 'стул'. Если же речь идет о стуле с подлокотниками, т. е. о кресле, то в этом случае лтш. *krēsls* (*krēslis*) выступает с тем или иным дополнением: ср. *atzveltnes k.* или же *lēnkrēsls* [KR II, 112]. (Впрочем, оба уточнения называют не подлокотники, а спинку сиденья, которая есть и в самом стуле.)

Таким образом, название стихотворения Райниса «*Saules krēslis*» в соответствии с латышским литературным языком, строго говоря, следовало бы перевести как «Стул солнца». Вместе с тем, ради сохранения общей балто-севернославянской перспективы употребления соответствующей лексемы и возникшего на ее основе словосочетания мы предпочитаем буквальное воспроизведение латышского заглавия — «Кресло солнца».

Что же касается последующего текста стихотворения, то трудной для перевода оказывается форма *zelts* — существительное ('золото'), которое дважды стоит в одном ряду с прилагательными — 'зеленый' и 'красный' (строки 2 и 9). Как прилагательное *zelts* ('золотой') отмечено, по-видимому, только в латышских дайках [ME IV, 706]. Ввиду этого в нашем «подстрочнике» в обоих случаях предлагается двойной перевод — *золото(й)*. С учетом сказанного приведенный выше текст («Кресло солнца») представляем следующим образом:

‘Три луча от заходящего солнца идут:
Один золото(й), один зеленый, один красный.
Тот зеленый — медь,
Тот красный — война,
А посреди кресло солнца поставлено, —
То чистое золото.

Без луча снизу вверх идет
И воедино черная ночь,

— И красный, и зеленый, и золото(й)
И кресло, что солнцу было поставлено,
Погружаются в ночь’.

1.1. Посвященная вечной теме борьбы света и тьмы, поэтическая миниатюра «S/K» полностью отвечает индивидуальным особенностям письма ее автора.

Так, «один из наиболее излюбленных художественных приемов в поздней поэзии Райниса» заключался в подборе определенных колористических «рядов, состоящих из различных цветовых эпитетов (обычно трех или четырех)», что именно в сборнике «Конец и начало» (где впервые и напечатано это стихотворение) уже занимает «особенно значительное место» [Kursīte, 39].

В дополнение к важному сообщению исследовательницы уточним, что, например, образ *trejkrāsainā saulīte* ‘трехцветное солнышко’ появился в творчестве Райниса еще в стихотворении «*Senatne*» (впервые опубликовано в 1902 г.) ‘Древность’ [Rainis I, 51, 467], а затем он же был выбран поэтом для названия цикла в первом поэтическом сборнике «*Tālas noskaņas zilā vakarā*» [Ibid., 49] — «Далекое отзвуки синим вечером».

И достаточно взглянуть на последнее двустишие «Древности», чтобы убедиться: именно по его образцу было смоделировано и начало «Кресла солнца».

Ср.

- 1) *Dies saulīte atkal trīskrāsaina:
Drīz zila, drīz zaļa, drīz sarkana.*

[Ibid., 51]

и

- 2) *Trīs stari no rietošās saules nāk:
Viens zelts, viens zaļš, viens sarkans.*

[Rainis II, 315]

Как видим, вместо «То синее, то зеленое, то красное» (когда «солнышко вновь трехцветно») в первом случае, мы получаем «Один золотой, один зеленый, один красный» («Три луча от заходящего солнца...») — во втором.

Таким образом, стихотворение «*Saules krēslis*» обнаруживает бесспорные текстуальные связи с предыдущим творчеством Райниса и является глубоко органичным для его поэтики.

1.2. Нам неизвестны какие-либо высказывания Райниса о «S/K» как своем произведении. Вместе с тем при всех необходи-

мых в таком случае оговорках все же можно полагать, что «S/K» в течение многих лет оставалось на особом счету и у самого автора, и у его издателей. Об этом косвенным образом свидетельствует тот своего рода «двойной отбор», который прошло обсуждаемое произведение в дальнейшем творчестве латышского классика, а также в ходе еще прижизненных публикаций его произведений.

Так, материалы комментариев к сборнику «Конец и начало» [Rainis II, 448–503], в состав которого, как уже упоминалось, и входил предмет данного разыскания, однозначно показывают, что (согласно нашим подсчетам), во-первых, только к 33 стихотворениям (при их общем количестве 171) поэт сам выполнил и немецкие переводы, а во-вторых, лишь 10 из последних оказались опубликованными в антологии «Lettische Lyrik» (Riga, 1924), в том числе и «S/K» — нем. «Der Sonne Thron» [Ibid., 478].

Следовательно, в свете приведенных сведений можно заключить, что стихотворение «S/K» бесспорно относится к числу своего рода «избранных» произведений классика латышской литературы. И этот вывод о характерности и даже образцовости для поэтической системы Райниса его сентябрьской миниатюры 1906 г. позволяет теперь поставить еще один вопрос: а насколько соответствует отмеченным выше качествам анализируемого стихотворения «S/K» и само по себе его название — «Saules krēslis» ('Кресло солнца')?

1.3. На вопрос о том, что же означает выступающее в качестве заглавия словосочетание S/K, частично можно найти ответ в дальнейшем тексте названного произведения.

Прежде всего необходимо отметить, что во всех черновых вариантах текста нет ни малейших признаков того, чтобы словосочетание S/K в самом процессе создания стихотворения проходило какие-то этапы своего формирования: напротив, оно выступает сразу уже «в готовом виде» [Ibid. I*, 509].

Более того, именно образу 'КС' отведена особая роль в тексте. Так, из «трех лучей», о которых идет речь в миниатюре из 11 строк (в двух строфах), единственный, который оказывается в подчеркнуто выделенной позиции, это — «золото(й)»: дважды *zelts* рифмуется с *celts*. Последняя форма в обоих случаях относится к 'КС' — сначала в виде словосочетания *saules krēslis* (*Bet vidū saules krēslis ir celts...*), а затем уже и его истолкования: *...krēslis, kas saulei bij celts* (строки 5 и 10).

Отождествляемое с золотым цветом (светом) 'КС' занимает особое место и в общей структуре стихотворения — предпоследние строки обеих строф, т. е. почти на вершине напряжения, которое обычно нарастает к концу текста такого жанра.

Ввиду изложенного, становится понятным свидетельство черновиков [Ibid.], почему Райнис отказался от первоначального названия своего стихотворения «Trīs stari», которое повторяло начало первой строки (*Trīs stari no rietošas saules pāk...*), и заменил его образом, взятым — и в прямом, и в переносном значении — из глубины текста: «Saules krēslis».

Как «безвариантность» появления означенного словосочетания в самих стихах, так и факт вынесения его («на альтернативной основе») в заголовок произведения позволяет считать, что источник, давший образ 'кресло солнца' сентябрьскому стихотворению Райниса (1906 г.), следует искать за пределами этого произведения, как минимум — вне текста латышского оригинала.

2.0. Сама постановка вопроса о «латышском оригинале» стихотворения Райниса «S/K» обусловлена тем, что поэт, переведя свое стихотворение на немецкий язык (о чем уже говорилось выше), тем самым создал и свой же «немецкий оригинал», ставший известным благодаря антологии 1924 г. (см. 1.2).

Для нашего разыскания наибольший интерес представляют немецкие эквиваленты лтш. *saules krēslis*: 1) в заглавии — это *Der Sonne Thron*, 2) в тексте — *der Thron der Sonne* (дважды). Ср. соответственно 5–6 и 9–11 строки автоперевода латышского поэта:

Inmitten erhebt sich in leuchtender Pracht
der Thron der Sonne, aus Gold gemacht.

.....
Und Gold und Rot und Grün
und der Thron der Sonne verglüh'n,
und versinken in Nacht.

[Rainis II, 478]

Немецкий текст стихотворения как еще один опыт воплощения поэтического замысла Райниса позволяет несколько приблизиться к пониманию авторской интерпретации и самого образа 'КС'.

Ср. (буквально):

'Посреди возвышается в сияющем великолепии
трон солнца, из золота сделанный.

.....
И золото, и красный (цвет//свет), и зеленый (цвет//свет),
и трон солнца (медленно) гаснут
и погружаются в ночь'.

Итак, исходное латышское 'кресло (стул) солнца' в немецком автопереводе Райниса трижды оказалось 'троном солнца'. Однако почему же авторский эквивалент оказался именно таким?

2.1.1. «Немецкий словарь» Гриммов (со ссылкой на изданный в 1807–1811 гг. пятитомный «Wörterbuch der deutschen Sprache» И. Г. Кампе) приводит статью «SONNENTHRON, *m.* ein der Sonne gleich strahlenden, leuchtenden Thron, oder auch die Sonne selbst als Thron Gottes» [Grimm XI, 1689], т. е. 'подобный солнцу лучистый, светящийся трон, или же само солнце как трон божества'. Это значение было проиллюстрировано несколькими примерами из немецкой литературы XVIII в., среди которых были «немецкая Сапфо» А.-Л. Карш, или Каршин и Ф. Шиллер, представленный стихотворением «Художники» (1789 г.).

Приведем соответствующий отрывок из последнего («Die Künstler», 54–61):

Die, eine Glorie von Orionen
Ums Angesicht, in hehrer Majestät,
Nur angeschaut von reineren Dämonen,
Verzehrend über Sternen geht,
Geflohn auf ihrem Sonnenthron,
Die furchtbar herrliche Urania,
Mit abgelegter Feuerkrone
Steht sie — als Schönheit vor und da.

[Schiller, 123]

Ср. перевод Е. Эткинда («Художники»):

«Она, сверкающая в ореоле,
В котором звезды вечные горят,
На лучезарном солнечном престоле
Слепящая сияньем смертный взгляд,
Доступная лишь взорам духов чистым,
Уrania, прекрасна и страшна,
Рассталась со своим венцом лучистым,
И Красотой явилась нам она».

[Шиллер, 165]

Представленный фрагмент переведен (с переменной порядка строк) очень точно: ...auf... *Sonnenthron* (58) — «На... солнечном престоле» (56). При этом «кресельный ряд» названий пополняется еще одним синонимом — *престол*.

Кстати сказать, исследователи творчества немецкого поэта уже давно отметили, что в данном случае под Уранией подразумевается не Муза, покровительница астрономии, а богиня любви и красоты Афродита (см., в частности, комментарий к стихотворению «Художники» [Там же, 737]).

Итак, *Sonnenthron* у Шиллера — это 'солнечный престол (трон) Афродиты'.

2.1.2. В своей «Хронике дня» от 20 мая 1912 г. Райнис записал: «Во сне вижу Шиллера» [Rainis XXIV, 532]. Более того, то же самое «sapni redzu Silleru» повторилось и в «Дневнике» от 28 октября 1923 г. [Rainis XXV, 163]. И это не было случайностью: через все жанры наследия латышского классика — дневниковые записи, заметки, письма, не говоря уже о непосредственно предназначенных для печати литературных произведениях, — проходит имя великого немца. Шиллер как творец и личность сопровождал Райниса в течение всей жизни, начиная со школьных лет. Особенно это относится к драматургии друга И. В. Гёте, которую латышский классик много переводил. И хотя как поэт автор «Вильгельма Телля» пользовался значительно меньшим вниманием Райниса (ср.: [Rainis VIII, 255–258]), однако трудно представить, чтобы выдающийся почитатель Шиллера не был знаком с одним из ключевых стихотворений последнего — уже выше цитированными «Художниками».

2.1.3. Так мы выходим на параллель: *der Sonnenthron* у Шиллера (1789 г.), с одной стороны, и *Der Sonne Thron* (в заглавии), а также *der Thron der Sonne* (дважды в тексте) у Райниса в его немецком переводе своего же латышского стихотворения «Saules krēslis» — с другой. И поскольку литературное наследие Народного поэта Латвии представлено в данном случае двумя текстами — не только вторичным немецким, но и первичным латышским, следует попытаться определить: что же связывает (и связывает ли вообще?) обе его языковые формы выражения образа 'КС' — как немецкую, так и латышскую — с шиллеровским поэтическим *der Sonnenthron*?

В ответе на первую, чисто немецкую часть вопроса, как нам кажется, невозможно ни доказать, ни опровергнуть того, что нем. *der Thron* вместо более точного нем. *der Stuhl* (как эквивалента лтш. *krēsls*, здесь — *krēslis*) в переводе Райниса появилось безо всякого влияния со стороны соответствующего словосложения со вторым компонентом *-thron* в стихотворении Шиллера «Художники». Любому категорическому суждению в пользу существования в данном случае такой связи (Шиллер–Райнис) может быть противопоставлен тезис о том, что здесь происходит обычная замена слов в пределах одного синонимического ряда: 'трон' относится к более высокому стилю, чем 'кресло (стул)'. Иначе говоря, латышский поэт и в своем немецком тексте, скорее всего, просто мог воспользоваться свободой творческого выбора средств самовыражения.

2.1.1–3. Если даже существование реальной связи между немецкими формами — словосложением *der Sonnenthron* у Шиллера и словосочетаниями *der Sonne Thron*, *der Thron der Sonne* у Райниса — не имеет убедительных доказательств, то что говорить о второй, уже немецко-латышской части вопроса — о взаимоотношениях нем. *der Sonnenthron* и лтш. *saules krēslis* в текстах двух поэтов — классика немецкой и классика латышской литератур?

Очевидно, что «праобраз» 'КС' у Райниса следует искать не столько во внешнем — межлитературном и межкультурном, сколько во внутреннем, собственно латышском культурном контексте творчества великого поэта Латвии.

2.2. Именно с началом пребывания Райниса в Швейцарии, когда было создано стихотворение «S/K», уже не предположительно, а действительно связан другой немецкий сюжет, развитие которого может вывести нас к первоисточнику появления самого образа 'КС'.

Так, в своем предисловии «Мои немецкие стихотворения» (1925 г.) поэт упоминает, в частности, «десять латышских народных песен в немецком переводе; переводы написаны в эмиграции, в первый год (подчеркнуто нами. — А. Н.); часть из народных песен переведена по торжественному случаю — устроенному эмигрантами музыкально-литературному вечеру в пользу нуждающихся эмигрантов в 1906 году» [Rainis XVIII, 544].

Несмотря на то, что «другая часть народных песен переведена также еще во время ссылки» [Ibid., 545] и у нас нет возможности определить состав каждой из упомянутых «частей» в отдельности, все же нельзя не обратить внимания на то, что, судя по комментариям, как минимум две из десяти отобранных для перевода латышских дайн посвящены солнцу: «Ej, saulīte, drīz pie dieva», «Tek saulīte tecēdama» [Ibid., 701–702], т. е. «Иди, солнце, вскоре к Богю», «Бегом бежит солнце».

Все ранее сказанное подводит нас к вопросу: не возник ли образ 'кресло солнца' в стихотворении Райниса 1906 г. под влиянием латышских народных песен? Иными словами: существует ли в поэтике латышских дайн искомое нами 'КС'?

3.0. Богатейшее собрание классических латышских народных песен, которое во многом даже «заполняет нишу» отсутствующего собственного летописания, является настолько фундаментальным первоисточником по истории, языку и культуре латышей, что обращение к нему всегда должно быть самым первым действием при решении любой задачи, так или иначе связанной с «хронотопом» Латвии. Сказанное относится и к исследуемой нами теме 'КС'.

Поскольку S/K — это сочетание двух имен существительных, то, используя специальный указатель к «Латышским дайнам» Кр. Барона (Krišjāņa Barona «Latvju dainu» substantīvu rādītājs. Latviešu folkloras krātuve. Rīga, 1994, 763 lpp.), мы попытались разыскать те песенные тексты, в которых одновременно встречаются как *krēsls* (*krēslis*), так и *saule*.

Вместе с тем, поскольку классические дайны являются только главным, но не единственным жанром латышского фольклора, поиски образа 'КС' проводились нами и в текстах повествовательных форм устного народного творчества латышей. В частности, это относится к такой категории произведений, как заговоры.

Ниже и пойдет речь в основном о тех традиционных народных песнях, а также отчасти о заговорах, в которых нашло свое отражение искомое 'КС'.

3.1.1. Ближе всего к исследуемому 'КС' оказался текст из Латгалии (с. Ругаи Балвского р-на), где было записано песенное четверостишие:

Metat mīru, jaunas meitas,
Jan saulīte mīru meta;
Jan saulīte atsasāda
Sudobriņa krēslīnā.

[TDz III, 54936]

В этом, как и в приводимых ниже текстах, наблюдается такая характерная черта латышского песенного фольклора, как обилие уменьшительных форм: ср. *saulīte* (2×), *sudobriņa krēslīnā*.

В предисловии к своей «Lettische Grammatik» Я. Эндзелин писал: «Диминутивы латышской народной песни я, как правило, передавал соответствующими немецкими основными словами (mit dem... Grundwort), поскольку в латышской народной песне диминутивы обычно употребляются без собственно диминутивного значения» [Endzelin 1922, VI]. Ср. его же уточнение в латышской версии того же труда: «Диминутивы с *-īnš*, *-īnā*... так же как формы с *-ītis*, *-īte*... в народных песнях... зачастую являются только лишь стилистическим средством, причем значение в диминутиве может быть совершенно поблекшим» [Endzelins 1951, 314].

Учитывая сказанное, представленный выше латышский текст можно перевести так:

'Кончайте [работу], молодые девушки (служанки),
Уже солнце [работу] кончило;
Уже солнце село
В серебряное кресло'.

С оригиналом четверостишия, записанного на востоке Латвии, в Латгалии, выразительно перекликается песня, зафиксированная уже на западе страны — в Курземе (Кабиле, Кулдингского р-на):

Grib kundziņis tā sēdēt,
Kā saulīte debesīs,
Kur kungam zelta krēslis,
Kur sudraba sēdeklīte?

[LD IV, 31292],

т. е. (с учетом того, что выше было оговорено относительно перевода диминутивов)

‘Хочет господин так сидеть,
Как солнце на небе,
Где у господина золотое кресло,
Где серебряное сиденье?’

Следует отметить, что недавно именно эта дайна была объектом анализа в плане содержащейся в ней оценки «господина» как «ироническое изображение... желания посадить себя на место солнца (совсем как французский „король-солнце“ Людовик XIV!)» [Viķe-Freiberga, 160].

Однако в противопоставлении господин — солнце нас больше интересует вторая часть. И тем, чего явно недостает первому (ср. риторический вопрос: «Где у господина золотое кресло...?»), согласно тексту, очевидно, располагает второе. Это — *zelta krēslis*.

Итак, если в Курземе (с. Кабиле) «солнце на небе», [чтобы] «сидеть», [имеет] «золотое кресло», то в Латгалии (с. Ругаи) — «Уже солнце село / В серебряное кресло».

Оба словосочетания — как *zelta krēslis*, так и *sudobriņa krēslīņa* — в качестве эпитетов используют названия золота и серебра (в родительном падеже). Последнее в данном случае выступает в уменьшительной форме. И небезынтересно отметить, что исследователи латышской народной поэзии уже давно обратили внимание на такое преимущество менее благородного металла, как количество слогов в его наименовании, — и в исходном, и в диминутивном вариантах: для структуры стихотворной строки дайны подобное «серебро» зачастую оказывается значительно дороже соответствующего «золота», о чем и свидетельствуют сами тексты (см.: [Bērziņš, 361]).

По-видимому, еще одна иллюстрация в пользу истинности выданного наблюдения как раз и содержится в концовке приведенного выше латгальского песенного четверостишия:

Jau saulīte atsasāda
Sudobriņa krēslīņā.

3.1.2. Если в с. Ругаи Балвского р-на «...солнце село в серебряное кресло» (см. выше), то в соседствующем с юго-запада говоре пос. Лубана Мадонского р-на разворачивается уже иной сюжет:

Saule gulēt i nogāja	‘Солнце ушло спать
Aiz deviņi ezeriņi;	За девять озер;
Bite krēslīņ’ i aiznesa,	Пчела кресло занесла,
Zem spārniņu pasitusi.	Схваченное под крыло’.

[LD V, 33922]

Известны еще два варианта этого текста, в которых вместо *aiznesa* выступают другие префиксальные образования — *atnesa* (Курземе) и *nūnese* (Латгалия, г. Лудза Лудзенского р-на) [LTDz III, 10144]. В отличие от курземской формы, которая допускает возможность двоякого истолкования — как ‘отнесла’, так и ‘принесла’, латгальская представляется более однозначной: лтш. *po-nest* — это ‘снести вниз’ [LVV, 531].

В том, что пчела заносит (относит, сносит вниз) кресло вслед за солнцем, следует видеть еще одно воспроизведение ‘КС’. И далеко не случайный характер именно такой ‘репродукции’ косвенно подтверждается еще одной особенностью латышских дайн: в них прослеживается глубокий параллелизм между образами солнца и пчелы.

Ср. первую строку целого ряда народных песен: *Ligo saule, ligo bite* или же *Rotā saule, rotā bite* — в обоих случаях ‘Die Sonne flimmert, die Biene schwärmt’ [Eckert, 101–102], где устанавливается связь между многокрасочным и переменчивым сиянием небесного светила, с одной стороны, и разнонаправленными движениями пчелиного роя — с другой [Ibid., 113].

Вновь обратим внимание на географию мест записи обсуждаемых образов. Оказывается, что и в данном случае, когда между солнцем и его креслом в роли посредника выступает пчела, снова наблюдается отчетливая связь между двумя отдаленными друг от друга регионами Латвии — Латгалией на востоке и Курземе на западе.

3.1.3. В латышских дайнах обнаруживается еще один вариант представления образа ‘КС’, однако уже в форме его отрицания.

Так, например, в с. Мейраны Мадонского р-на (говор № 421) была записана песня-загадка, где после двух вопросов сразу же следует и ответ на них. Ср. непарные строки четверостишия:

Kas sēdēja bez krēsliņa...? 'Кто (что) сидел(-о) без кресла?
— Saule sēd bez krēsliņa... — Солнце сидит без кресла'...

[LD III (3), 26065.93]

Приведенный текст относится к числу тех, которые исполнялись для забавы во время свадьбы. Большинство таких загадок, сохранившихся благодаря своей метрической форме, содержит одновременно и ответы [Bērziņš, 144], о чем свидетельствует и данный фрагмент.

3.1.1–3. В текстах латышского фольклора — как в дайнах, так и в заговорах — известен образ 'КС'. Вместе с тем в них не обнаружено ни единого примера, где бы эта семантическая модель нашла свое воплощение в виде словосочетания 'S/K', т. е. так, как она выступает в стихотворении Райниса. Иными словами, прямого текстуального образа для поэта в фольклорных текстах нами не найдено.

Что же касается географии фиксации 'КС', то, кроме заговора (место записи которого — забегая вперед оговорим — остается для нас неизвестным — см. ниже, 3.1.4), остальные свидетельства дайн обнаруживают своего рода изоглоссу, образуемую тремя пунктами на пограничье Латгалии с Видземе.

Так, если бросить взгляд на общую карту «Диалекты и группы говоров латышского языка» [LVDA, I], то окажется, что не только два говора подряд, Ругаи (№ 475) и Лубана (№ 417), прямо или косвенно воспроизвели образ 'солнце сидит в кресле' (см. выше), но и следующий за ними далее (в юго-западном направлении) говор с. Мейраны Мадонского р-на (№ 421) зафиксировал то же образное восприятие заходящего солнца, но только в отрицательной форме. Иными словами, имеет место своего рода «утверждение через отрицание».

3.1.4. Искомый образ 'КС' встречается не только в песенном, но и — как об этом выше уже шла речь — в других жанрах устного народного творчества латышей. Во всяком случае, как минимум еще в одном.

Так, в заговорах, обращенных к тому внутреннему органу женщины, где развивается плод, постоянно повторяется призыв: *sēdi zelta krēsliņā* [Straubergs, 409–411] 'сиди в золотом кресле (креслице)'. Когда же предлагается сравнение с небесными телами, то золотое (или серебряное) кресло оказывается уже у них: «*Māte sēd savā krēslā, kā saule un mēnesis sēd zelta krēslā. Māte sēd savā krēslā, kā saule un mēnesis sēd sudraba krēslā*» [Ibid., 408], т. е. 'матка сидит в своем кресле, как солнце и месяц сидит (си-

дят) в золотом (в следующем предложении — серебряном. — А. Н.) кресле'.

В этом заговоре (место записи которого, к сожалению, не было указано) особенно важным для нас оказывается то, что само сидение солнца (и месяца) в золотом (или серебряном) кресле представлено как обычное, нормальное, испокон веков существующее явление: ср. высказывание относительно «золотого креслица» для упомянутого внутреннего органа — «*kur tevī pats Dievs iestādījis*» [Ibid., 410], т. е. 'где тебя сам Бог посадил'.

Следовательно, заговоры как еще один жанр латышского фольклора подтверждают закономерный характер употребления образа 'КС' в латышской народнопесенной поэзии.

3.2.0. Сопоставление стихотворения Райниса, с одной стороны, и латышских дайн — с другой, убеждает в том, что объединяющий их образ 'КС' не является у поэта чем-то изолированным, носящим характер своего рода «фольклорной цитаты». Напротив, как бесспорный поэтический контекст произведения классика, так и весьма вероятный этнографический подтекст народных песен делают предмет нашего разыскания еще более глубоким и в индивидуальном, и в коллективном творчестве латышей.

3.2.1. В самом же тексте «S/K» читатель находит толкование того, что словосочетание *saules krēslis* в заглавии стихотворения и в 5-й строке (*Bet vidū saules krēslis ir celts*) — это ...*krēslis, kas saulei bij celts* (10-я строка). — Это то, что дано. А требуется доказать, что же здесь означает *celts*?

Поскольку лтш. *celt* в качестве основных имеет значения 'поднимать' и 'строить, сооружать', то возможны два принципиально отличные друг от друга истолкования 'КС' как: 1) кресла специально 'сооруженного' для солнца, или же 2) уже существовавшего, но только 'поднятого' для светила.

Так, например, переводчик стихотворения на русский язык В. Корчагин остановился на первом варианте интерпретации латышского оригинала и как соответствия лтш. *celts* предложил причастия от глаголов *воздвигнуть* («*воздвигнут трон*») и *построить* («*...золото трона, / который для солнца построен*») [Райнис, 262].

Однако словосочетание лтш. *celt krēslu*, по-видимому, следует понимать как 'подняв, поднести и поставить кресло тому, кого принимают как желанного гостя'.

Так, в одной из дайн поется: *paceļ man guoda krēslu*; BW 13250, 4 [EH I, 651], т. е. 'поставь мне почетное кресло (кресло почета)'.

Еще выразительнее эта тема раскрывается при отрицательном отношении к приходу посетителя:

Kājām spēru zelta krēslu	‘Ногами швыряю золотое кресло
Par istabu kambari,	Через комнату в каморку,
Lei māmiņa nīpacēla	Пусть мама не поставит
Bergajami tautiešam.	Суровому жениху’.

[LD III (1), 14599]

Как видим, словоупотребление Райниса *krēslis ir celts*, а также *krēslis ... bij celts*, полностью отвечает «духу и букве» латышских народных песен.

3.2.2. По данным латышской этнографии, стулья (*krēsli*) в крестьянском доме подразделялись на будничные и почетные (*goda*): если первые нередко изготавливали сами хозяева, то вторые, «богато украшенные», были делом рук уже главным образом ремесленников [Cimermanis, 128].

Нам не удалось найти каких-либо прямых сведений относительно количественного соотношения «будничных» и «почетных» стульев в домашней обстановке латышских крестьян, однако последняя из приведенных выше дайн (см. 3.2.1) косвенным образом свидетельствует, что такого рода «золотое кресло» (*zelta krēsls*), очевидно, было единственным среди мебели.

В качестве славянской параллели как аргумента в пользу такого вывода необходимо указать на одно этнографическое свидетельство из Чехии, с которой Латвия (в том, что касается памятников народного быта, в частности и традиционных форм стульев) обнаруживает определенные связи [Ibid., 127]. Так, например, чеш. *židle* ‘предмет мебели для сидения’ (жен. рода) ‘когда-то бывала в светлице только одна’: так, в одной из местностей Чехии (J. Krušina. Dějiny Trpína a okolí. Praha, 1948, 171) «у стола стояла единственная *židle*, предназначенная для уважаемого гостя, скромный посетитель садился только на скамью» [Machek, 727].

4.0. Искомое ‘КС’ обнаруживается в ботанической терминологии латышского языка, в которой S/K оказывается лишь одним из по меньшей мере пяти вариантов реализации модели: определение (в форме родительного падежа определяющего имени существительного) + *krēsls* (*krēsliņš*) (‘кресло’, вар. ‘креслице’). В определяемом слове проявляется бесспорная тенденция к переходу в номенклатуру растений. Ср. ‘кресло’ или ‘креслице’ соответственно: 1) ‘Бог’ — *dieva krēsliņš* (*krēsls*) ‘Euphorbia helioscopia, один из видов молочая’; 2) ‘росы’ или ‘рос’ — *rasas* // *rasu* K. ‘Alchemilla

vulgaris, манжетка обыкновенная’ [ME II, 276]; 3) ‘чёрта’ — *velna krēsls* ‘Actaea spicata, воронец колосистый’ [EH I, 652] и др.

Итак, исследуемое S/K в латышской фитонимии не является изолированным образованием: соответствующее словосочетание выступает в контексте аналогичных названий растений «кресельного» ряда.

4.1. Словосочетание S/K в латышской фитонимии известно по меньшей мере с 1884 г.: *saules krēsliņš* ‘akeleiblätrige Wiesenraute (Thalictrum aquilegifolium), василистник водосборнолистный’, что было проиллюстрировано примером из опубликованных в 1894 г. «Этнографических сведений о латышах» (Селпилс, р-н Екабпилс): *pret galvas izsitumiem un plauškām jāsmērē ar saules krēsliņu sulu* [ME II, 276], т. е. ‘от сыпи и перхоти головы следует мазать соком василистника’.

Эта же диминутивная форма (*krēsliņš* от исходного *krēsls*) выступает и в крупнейшем диалектном словаре Латвии последнего десятилетия XX в., каким является «Словарь говора Калупе» А. Ренкены, — *sauli krāstys* ‘saulkrēsliņš (Thalictrum)’ [Reķēna I, 519].

Следовательно, на протяжении столетия в двух соседних районах на востоке Латвии — Екабпилсском (Селпилс под 1894 г.) и Даугавпилсском (Калупе, 1998 г.) — прослеживается устойчивая традиция в употреблении словосочетания S/K в ботанической терминологии латышских говоров, расположенных по обоим берегам Даугавы, т. е. в первом случае так называемых «неглубоких селонских», во втором — «глубоких латгальских».

Что же касается современной латышской ботанической терминологии, то остается неясным, на какую диалектную базу опирались ее создатели: названия растений того же рода *Thalictrum* только в порядке исключения выступают в форме словосочетания *saules krēsliņš* [Galenieks 1948, 18] или же *saules krēsliņi* [Ibid., 187], тогда как основным является словосочетание (plurale tantum) — *saulkrēsliņi* [LBŽ, 344; Galenieks 1950, 54], например, *dzeltenī saulkrēsliņi* ‘василистник желтый (Th. flavum)’ и др. — всего пять видов.

Таким образом, как диалектные, так и литературные (научная терминология) данные латышского языка свидетельствуют об одном и том же: все примеры употребления S/K (SK) относятся исключительно к растениям рода *Thalictrum* (василистник). И в этом латышская ботаническая терминология оказывается четко противопоставленной литовской, в которой соответствующее образование S/K, как было показано выше (см. I.4.1), является названием совсем иного растения — уже не василистника (*Thalictrum*), а пижмы — *Tanacetum*.

4.2. Тема латышско-литовской дивергенции, которая проявилась в распределении одного и того же 'КС' между двумя различными объектами номинации, становится еще более актуальной, когда выясняется, что в представленном выше «кресельном» противопоставлении 'солнце' — 'пчела', наблюдаемом в Жемайтии (см. I.4.2), последний член оппозиции в латышских названиях растений оказывается тем же, что и в литовской фитонимии (см. [Там же]).

Ср. лтш. *bišu krēsliņš* (букв. 'креслице пчел') как название пижмы обыкновенной, *Tanacetum vulgare* L., отмеченное, в частности в Акнисте [ЕН I, 222], т. е. в одном из глубоких селонских говоров, а также варианты этого фитонима, выступающие уже как словосложения, — *bišukrēsliņš*, *biškrēsliņš* и *pluralia tantum biškrēsliņi* и под., кстати сказать, весьма характерные для латышских дайн [Ibidem; ME I, 301].

Вместе с тем, в отличие от литовского (жемайтского) «кресельного» противопоставления, осуществляемого в пределах названий растений одного и того же рода (*Tanacetum vulgare* L.) и обозначенного выше как 'солнце' — 'пчела', последняя часть этого «двучлена» в латышской фитонимии остается «без пары». Фактически необходимо искать те «точки соприкосновения», которые могли бы объединить оба рода растений — василистник и пижму — как основу для того, чтобы и на латышском материале могла «работать» названная оппозиция.

4.1–2. Проведенное исследование показывает, что Латгалия является не только одной из тех двух окраинных областей Латвии, в песенном фольклоре которых отмечено 'КС' (см. выше II, 3.1, 3.2), но, по нашим материалам, она пока что выступает и как единственный регион, где тот же образ одновременно прослеживается и в народных названиях растений (локализованные свидетельства).

Более того, если дайны содержат в себе только описательный образ 'КС' и само словосочетание S/K еще надлежит, хотя и без особого труда, но все же реконструировать, то фитонимия непосредственно предоставляет в наше распоряжение искомую форму или, лучше сказать, формулу.

В плане проекции на творчество Райниса особенно выразительным оказывается то, что второй компонент в фитонимическом словосочетании S/K выступает не только в диминутивной (*krēsliņš*), но и в основной, исходной форме (*krēsls*). Ср. пример из говора Калупе (см. выше 4.1).

Латгальская локализация образа 'КС', как описательного в дайнах, так и прямого в форме S/K в народных названиях растений, вновь возвращает нас к творчеству Райниса.

Как известно, именно в Латгалии, на берегах или вблизи Даугавы, провел свои детские годы Янис Плиекшанс, будущий Янис Райнис. Это были Биркинели Даугавпилсского района, Грива (часть Даугавпилса), где он закончил школу, Ясмуйжа (ныне Айзкальне, соседнего с Даугавпилским и Екабпилским Прейльского р-на). И при этом никак нельзя не подчеркнуть того факта, что говор Айзкальне даже непосредственно граничит с уже упомянутым нами говором Калупе.

Таким образом, теоретически вполне оправданно связывать возникновение образа 'КС' в стихотворении Райниса 1906 г. с переосмыслением поэтом, в частности, того ботанического названия, которое прослеживается в Поддаугавье в 1894–1998 гг. Во всяком случае, своего рода прямая «субстратная» основа для создания поэтических строк произведения «*Saules krēsliņš*» уже существовала в латышской народной номенклатуре растений.

1–4.1. В связи со всем тем, о чем шла речь выше, чрезвычайно важным представляется одно из принципиальных положений современной балтийской лингвистической географии:

«Многие изофоны, изоморфы, изолексы и изосемы сближают латгальские и селонские говоры верхнелатышского диалекта с куршскими говорами среднего диалекта и литовским языком в противоположность земгальским и центральновидземским говорам среднего диалекта. По многим диалектным особенностям ближайшими для латгальских и селонских говоров являются жемайтские говоры литовского языка и куршские говоры среднего диалекта» [Breidaks, 26].

Следовательно, латгальские говоры вместе с окаймляющими их на западе и юго-западе селонскими говорами на востоке Латвии, с одной стороны, и весь диалектный массив, развившийся на куршском субстрате в западных историко-этнографических регионах обеих стран (Курземе в Латвии и Жемайтия в Литве), с другой, — это в известном смысле, если можно так выразиться, разобщенное единство, или своего рода два берега, разъединенные потоком земгальских и центральновидземских говоров среднего диалекта латышского языка.

Наиболее неожиданным результатом данного разыскания становится то, что, как оказывается, все без исключения локализованные свидетельства употребления образа 'кресло солнца' — и в латышских дайнах, и в литовских названиях растений — были обнаружены нами только на «двух берегах» — селонско-латгальском и курземско-жемайтском.

Стало быть, концепция «разобщенного единства», разработанная в науке о латышских территориальных диалектах (см. вы-

ше), тем самым находит свое подтверждение и в области как поэтики, так и географии латышского фольклора.

1-4.2. Летом 1903 г. Райнис писал: «...поэзия нашего народа является и остается неисчерпаемым источником нашей поэзии; от народной поэзии всюду только развивалось искусство поэзии. Из народных песен надо выбирать жемчужины, они пригодятся как читающей публике, так и самим поэтам» [Rainis XVIII, 316-317]. И три года спустя в роли именно такого поэта, как нам представляется, как раз и выступил автор приведенного высказывания, когда он создал стихотворение «Saules krēslis».

Вынесенный в заглавие основной образ поэтического произведения обнаруживает бесспорную связь с 'КС', выступающим как в народных песнях с детства близкой поэту Латгалии, так и в ее народной номенклатуре растений. При этом, если в фольклоре и в фитонимии скорее всего следует говорить об отражении определенной мифологемы, т. е. о «проявлении мифологического восприятия мира», то в творчестве поэта последняя выступает уже как метафора (ср.: [Niebrzegowska, 39]).

Однако и в том, и в другом случае «кресло солнца» восходит к глубоким пластам духовной культуры балтийских народов. И сказанного вполне достаточно для того, чтобы исследование мифологемы и метафоры 'КС' нашло свое дальнейшее продолжение⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- EH — J. Endzelins, E. Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. Rīgā, 1934-1938, 1. sēj.
 KR — E. Kagine, S. Raģe. Ērgemes izloksnes vārdnīca. Rīga, 1977-1978, 1-2.
 LBŽ — Lietuviškas botanikos žodynas. Kaunas, 1938, I dalis.
 LD — Latvju dainas. Pēterburgā, 1894-1915, I-VI.
 LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1968-1999, I (Antras leidimas) — XIX.
 LTDz — Latviešu tautasdziesmas. Rīga, 1981, III.
 LVDA — Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. Rīga, 1999.
 LVV — Latviešu valodas vārdnīca. Rīga, 1987.
 ME — K. Mūlenbachs. Latviešu valodas vārdnīca. Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelins. Rīga, 1923-1932, 1-4 sēj.
 TDz — Tautas dziesmas. Rīga, 1938, III.
 ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Прагский лексический фонд. М., 1985, вып. 12.

⁴ Автор выражает искреннюю признательность д-ру габ. Б. Рейдзана (Рига) и д-ру В. Вайткавичюсу (Вильнюс) за помощь в научном поиске.

ЛИТЕРАТУРА

- Райнис — Я. Райнис. Избранные произведения в двух томах. Том первый. Стихи. Перевод с латышского. М., 1990.
 Топоров — В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. К-Л. М., 1984.
 Шиллер — Ф. Шиллер. Собрание сочинений в семи томах. Том первый. Стихотворения. Драммы в прозе. М., 1955.
 Bērziņš — L. Bērziņš. Ievads latviešu tautas dzejā. I daļa. Metrika un stilistika. Rīgā, 1940.
 Brechenmacher — J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Familiennamen. Limburg a. d. Lahn, 1957-1963, B. 1-2.
 Breidaks — A. Breidaks. Latviešu valodas dialektu un izloksņu grupu cilme un teritoriālā izplatība // Latvijas zemju robežas 1000 gados. Sastādījis A. Caune. Rīga, 1999.
 Būga — K. Būga. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1958-1961, t. I-III.
 Cimermanis — S. Cimermanis. Latviešu tautas dzīves pieminekļi celtnes un to iekārta. Rīgā, 1969.
 Eckert — R. Eckert. Baltisch-slawische Parallelen aus der Sprache der Folklore // Res Balticae, 1995.
 Endzelin 1922 — J. Endzelin. Lettische Grammatik. Rīga, 1922.
 Endzelins 1951 — J. Endzelins. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
 Galenieks 1948 — P. Galenieks. Augu sistematika. Rīgā, 1948.
 Galenieks 1950 — P. Galenieks. Botaniskā vārdnīca. Augu ģinšu un sugu latvisko, krievisko un latinisko nosaukumu krājums. Rīgā, 1950.
 Gerullis — G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
 Grimm — Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1854-1960, Bd. I-XVI.
 Kursīte 1996 — J. Kursīte. Raiņa dzejas poētika. Rīga, 1996.
 Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
 Marzell — H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. B. 5: Register. Leipzig, 1958.
 Mažiulis 1966 — Prūsų kalbos paminklai / Parengė V. Mažiulis. Vilnius, 1966.
 Mažiulis 1995 — V. Mažiulis. Dėl pr. «saules šventė» // Baltistica, XXX (1), 60.
 Mažiulis 1-4 — V. Mažiulis. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988-1997, 1-4.
 Niebrzegowska — S. Niebrzegowska. *Słońce raduje się* — metafora czy mit? // Akcent, № 24, S. 37-39.
 Przybytek — R. Przybytek. Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens (= Hydronimia Europaea: Sonderband). Stuttgart, 1993.
 Rainis — J. Rainis. Kopoti raksti 30. sējums. Rīga, 1977-1986 (1979-1984). Sēj. 1-25 (1*-5*).*
 Reķēna — A. Reķēna. Kalupes izloksnes vārdnīca. Rīga, 1998, sēj. 1-2.
 Schiller — Schillers Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. Prozaschriften. Weimar, 1956.

- Straubergs — K. Straubergs. Latviešu buĶamie vārdi. I. MaĶija un buĶamo vārdi tematika. Rīga, 1939.
- Trautmann — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen etc., 1923.
- Vaitkevičius 1998 — V. Vaitkevičius. Senosios Lietuvos šventvietės. Žemaitija. Vilnius, 1998.
- Vaitkevičius 2000 — V. Vaitkevičius. Radžiunai, Taujėnų s-ją Ukmergės r. // Senosios Lietuvos šventvietės. Aukštaitija (Статья из готовящейся к печати второй книги В. Вайткавичюса была любезно предоставлена им автору этих строк в декабре 2000 г. в Вильнюсе).
- Viķe-Freiberga — V. Viķe-Freiberga. Trejādas saules. Hronoloģiskā saule. Rīga, 1999.
- Vitkauskas — V. Vitkauskas. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976.

Д. РАЗАУСКАС

МАТЬ МАЙЯ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ДВУХ ЛИТОВСКИХ ОМОНИМОВ:
тóја 'мать' и *тоја* 'мах'

1. Лит. *тóја* — др.-гр. μαῖα и др.

Точным значением слова *тóја* в «Словаре литовского языка» является 'motina, močia (с пренебрежительным оттенком)' [LKŽ VIII, 310], что в русском языке соответствовало бы 'мать, матуха' — ср. определение последнего у Даля как соответственно «неприветливое» обозначение матери [Даль II, 307]. В дальнейшем для краткости мы иногда будем указывать просто значение 'мать'.

Слово редкое, все примеры употребления в LKŽ — из Пакруойского района на севере Литвы; в этимологическом словаре Френкеля [Fraenkel 462, 1349] оно отсутствует и, насколько известно автору данной статьи, вообще еще не этимологизировалось.

Тем не менее, этимология слова не вызывает сомнений: лит. *тóја* 'мать, матуха', разумеется, восходит к и.-е. *mā Lallwort für 'Mutter' словаря Покорного, т. е. к тому же «слову детской речи», из которого образованы и.-е. *māmā, *mamā 'мама' и *mātēr- 'матерь', пополняя тем самым список таких примеров, как др.-гр. μαῖα 'мать, матушка, кормилица, повивальная бабка (повитуха)', ср.-нидерл. *moeie*, нидерл. *moei*, ср.-н.-нем. *mōje* 'тетя, сестра матери', др.-в.-нем. *holz-тuoја* 'ведьма, колдунья', буквально 'лесная матушка', а также, видимо, и болг. *ма́йка* 'мать; родильница; свекровь; уважительное обращение к старой женщине; самка и т. п.', сербохорв. *májka* 'мать, свекровь, кормилица, няня, бабушка', словц. *majka* 'самка, мать', польск. диал. *majka* 'русалка (?)' и др. [ЭССЯ XVII, 135–136; Pokorny, 694; см. также Фасмер II, 565, 583; Fraenkel, 404–405, 465–466; Karulis I, 571 и др.]. В данный список легко вписывается и указанный выше оттенок литовского слова.

2. Лит. *тоја* — др.-инд. māyá

«Словарь литовского языка» за значением слова ж. р. *тоја* (ударение не указано) обращается к форме м. р. *mōjis, mójis* 'мах, замах, намек, взгляд' [LKŽ VIII, 310, 311], которая в свою оче-